

ОБЫЧАЙ И ОБРЯД

DOI 10.31250/2618-8619-2026-1(31)-85-99

УДК 392.1

Альберт Кашфуллович Байбурин

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Санкт-Петербург, Российская Федерация

ORCID: 0000-0002-7357-0333

E-mail: abaiburin@yandex.ru

Календарный возраст в русской традиции

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы, связанные с введением календарного возраста в культурные практики россиян. Его хронологическое исчисление практически не использовалось в народной культуре. Возрастные этапы отмечались посредством традиционных обрядов. Календарный учет прожитых лет каждого прихожанина велся церковью. В метрических записях фиксировались данные о рождении, крещении, браке и смерти. Существенное значение для распространения представлений о календарном возрасте среди широких масс населения имели постановления властных органов, выполнение которых требовало его точного знания. В советское время была создана новая система учета населения. Все документы, относящиеся к регистрации основных событий жизни граждан, церковь должна была передать новым органам, однако во время Гражданской войны и в ходе антирелигиозной кампании большая часть церковных архивов была утрачена. Не все граждане знали свой точный возраст. Для решения этого вопроса были созданы специальные комиссии для определения возраста по внешнему виду. Знание календарного возраста становилось все более необходимым для оформления различных документов. В то же время увеличивалось количество событий, связанных с ним: начало школьного обучения, получение паспорта, совершеннолетие, наступление пенсионного возраста и др. Некоторым из них власти старались придать характер праздника. День рождения позже всех других значимых дат стал личным праздником. Постепенно календарный возраст прочно вошел в жизнь советских граждан.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: календарный возраст, традиция, обряд, день рождения, метрическая запись, паспорт, праздник

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Байбурин А. К. Календарный возраст в русской традиции. *Кунсткамера*. 2026. 1 (31): 85–99. DOI: 10.31250/2618-8619-2026-1(31)-85-99

CUSTOMS AND RITUALS

Albert Baiburin

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7357-0333
E-mail: abaiburin@yandex.ru

Calendar Age in Russian Tradition

ABSTRACT. The article examines issues related to the introduction of calendar age into the cultural practices of Russians. Chronological age calculation was practically not used in folk culture. Age stages were marked by traditional rituals. Calendar accounting of the age of each parishioner was conducted by the church. Birth, baptism, marriage and death data were recorded in metric records. Decrees of government bodies were crucial for disseminating the concept of calendar age among the general populace, as their implementation required precise knowledge of it. In Soviet times, a new population registration system was created. All documents related to the registration of major events in the lives of citizens, the church had to transfer to the new bodies. However, during the civil war and the anti-religious campaign, most of the church archives were lost. Not all citizens knew their exact age. To resolve this issue, special commissions were created to determine age by appearance. Knowledge of calendar age was becoming increasingly necessary for the execution of various documents. At the same time, the number of events associated with calendar age was increasing: the beginning of schooling, obtaining a passport, coming of age, the beginning of retirement age, etc. The authorities tried to give some of them the character of a holiday. The birthday was the last of all significant dates to become a personal holiday. Gradually, calendar age became an integral part of the lives of Soviet citizens.

KEY WORDS: calendar age, tradition, ritual, birthday, metric record, passport, holiday

FOR CITATION: Baiburin A. Calendar Age in Russian Tradition. *Kunstkamera*. 2026. 1 (31): 85–99. (In Russian). DOI: 10.31250/2618-8619-2026-1(31)-85-99

Категория возраста привлекает внимание специалистов разных научных направлений. Речь может идти о календарном, биологическом, психологическом, юридическом и других видах возраста. В социальных науках (в том числе в антропологии) проблематика возраста исследуется в широком диапазоне вопросов, касающихся представлений о времени, особенностях социальной организации и многих других параметров жизни разных культур (Кон 1988; Мид 1988; Арьес 1999; Эрикссон 2000; Ассман 2004; Ле Гофф 2023; и др.). Календарный возраст, которому посвящена эта статья, понимается как промежуток времени от рождения человека до момента определения возраста. Он еще называется хронологическим или абсолютным. Календарному возрасту уделялось меньше внимания, чем другим видам по той причине, что это понятие сугубо формальное и его использование не было характерно для ранних культур. Распространение представлений о хронологическом исчислении возраста — относительно поздний процесс, связанный с рационализацией, бюрократизацией общественных отношений и, соответственно, трансформацией взглядов на время. Однако именно такого рода сдвиги могут представлять особый интерес при исследовании поздних состояний традиционных обществ.

В центре внимания — история введения хронологического возраста в культурный обиход и его использование в российских традиционных практиках. Как календарный (счетный) возраст входил в традиционный уклад жизни? Какие официальные постановления этому способствовали? Какие этапы или события жизненного пути получали календарное определение? Материалом послужили этнографические и исторические источники, касающиеся преимущественно сельского населения России. Изменения в жизни городских жителей затронуты в связи с введением советской паспортной системы, которая до 1974 г. была ориентирована почти исключительно на них. Выбор источников обусловлен прежде всего наличием сведений, касающихся интересующих меня сюжетов. В статье намечены наиболее значимые этапы введения календарного исчисления возраста в России.

Судя по этнографическим описаниям XIX–XX вв., календарный возраст в народной традиции практически не использовался. По словам Г. В. Любимовой, в народной культуре «само понятие “возраст” означало не столько количественное выражение прожитых лет, сколько определенное состояние человека, фиксировавшее уровень его физического, умственного и нравственного развития, включая брачный и социальный статус» (Любимова 2004: 47). Когда мы говорим о календарном (счетном) возрасте, следует также иметь в виду особое отношение к счету в разных культурах¹. В русской традиции были распространены представления, что счет и всякого рода точные измерения опасны, поскольку сосчитать что-либо означало положить конец, предел. Рост человека обычно измеряли только после его смерти, в течение жизни этого старались не делать. Определение точного возраста тоже считалось опасным для человека (Толстая 1999: 397). Подобного рода представления касались широкого круга объектов. Избегали считать домашних животных, измерять длину куска полотна до тех пор, пока все оно не будет выткано; запрещалось считать добычу (рыбу, дичь, грибы и т. п.) до окончания рыбалки, охоты, похода в лес и т. д. Д. К. Зеленин, который собрал довольно значительный корпус сведений о запретах, связанных со счетом в традиционных культурах, писал:

Запрет счета представляет большие неудобства в практической жизни даже и при натуральном хозяйстве. При денежном же хозяйстве соблюдение этого запрета решительно невозможно. И вот, в виде компромисса возник особый счет, который мы назовем «отрицательным»: в нем перед каждым числительным ставится отрицание *не*. Получается впечатление, как будто счета совсем нет, потому что каждое числительное как бы аннулируется предшествующим ему отрицанием. Этим уничтожаются и дурные последствия счета (Зеленин 1929: 85).

¹ Показателен библейский сюжет о гневе Божиим за исчисление израильтян Давидом, поскольку такой подсчет является исключительно прерогативой Господа Бога. Об этом сюжете и счете в фольклоре см.: (Богданов 2004).

Вместе с тем в некоторых локальных традициях пересчитывали вещи и деньги в ходе определенных календарных праздников (например, в Чистый четверг на Урале) с целью их сохранения и приумножения. Счет использовался и в некоторых лечебных практиках народной медицины (Толстая 2012: 219). Такой двойственный взгляд на счет дает основание полагать, что к любому подсчету относились с некоторым предубеждением. Негативное отношение к определению точного возраста может быть одной из причин, объясняющих, почему с таким трудом приживались практики введения точных персональных данных.

РОЖДЕНИЕ И КРЕЩЕНИЕ

Мы привыкли к тому, что точкой отсчета хронологического возраста и вместе с тем праздничной датой для каждого человека является день его рождения. Однако еще сравнительно недавно отношение к этому дню было другим. Отсчет прожитых лет не всегда велся от дня рождения, а отмечать этот день как личный праздник стали лишь в позднее советское время. Начнем с рождения человека.

В русской и — шире — восточнославянской традиции новорожденный не сразу приобретал статус человека. Начальный комплекс преобразований родившегося включал такие ритуализованные действия, как обрезание пуповины (мальчикам на «мужских» предметах, девочкам — на «женских»); обмывание, которое считалось необходимым не только для чистоты, но и для отделения от того мира, откуда он появился, а также заворачивание в старую одежду отца или матери для того, чтобы новорожденному передались их качества (Байбури 1993: 40–53). Главным на этом этапе являлось наделение именем, ибо без имени новорожденный не считался человеком: «Без имени ребенок — чертенок»; «С именем Иван, а без имени — болван» (Даль 1984: 173). Время между рождением и крещением считалось для новорожденного особенно опасным, поскольку, будучи безымянным, он мог быть легко подменен нечистой силой. Умершего в этот промежуток (без имени) нельзя было хоронить на кладбище. Его хоронили за оградой кладбища, под порогом дома либо в подполье (см., например: Максимов 1903: 21).

Наречение именем происходило во время крещения, на 8-й или 40-й день после рождения, но точных предписаний со стороны церкви не было. Если ребенок рождался слабым, старались дать имя как можно раньше. В таких случаях имя могла дать и повитуха. Вместе с тем по материалам, собранным Т. А. Бернштам, на Русском Севере и в Сибири, в местах, расположенных далеко от храма, крещение могло произойти и через год. По ее мнению, «подобные факты говорят по крайней мере о спокойном отношении крестьян к церковному крещению: имя родившемуся в таких случаях выбирали кумовья, а свершение крестинного обряда происходило своим чередом, что было для коллектива гораздо важнее» (Бернштам 1988: 56)².

Церковный обряд крещения обычно совершал приходский священник. Как правило, имя давали по святому, день памяти которого ближайший ко дню рождения, но могли назвать по имени святого, которого церковь вспоминает в этот день. Возможны были и другие варианты выбора (например, по имени старшего родственника). С обретением имени новорожденный становится «почти настоящим» человеком. Кроме того, вместе с именем человек обретал свой личный праздник, который получил название «именины». Как известно, именины — день памяти святого, именем которого человек назван. Этот день вовсе не обязательно совпадал с днем крещения или рождения. Тем не менее именины стали своего рода заменой дня рождения. В этой ситуации реальный день рождения ни на что не влиял и мало кого интересовал. Неоднозначное отношение к дню рождения было и в церковной традиции. Неслучайно празднование Рождества Христова установилось не сразу, и показательно, что Крещение Господне получило название *Богоявление*.

² Похожие факты можно найти и в других источниках. Из последних исследований, посвященных теме рождения и крещения, см.: (Материнство в советской деревне 2022).

Такое отношение к дню рождения — как к чему-то второстепенному — проявилось и в официальной регистрации рождения и крещения в церковных документах.

У православных день рождения стал фиксироваться не сразу после введения метрических книг в 1722 г., а лишь после указа Синода 1831 г. До этого времени регистрировалось общее число рождений и крещений, а также сведения о родителях и воспитанниках. С появлением отдельной графы для записи даты рождения и крещения возникла реальная точка отсчета календарного возраста. Эту запись обычно делал опять-таки приходский священник, как правило, в день крещения. День рождения записывался задним числом³. Эту особенность фиксации времени рождения нередко отмечали те, кому приходилось знакомиться с метрическими книгами уже в наше время. Вот характерный комментарий одного из читателей:

Обратил внимание, что в церковных книгах регистрации крещения указана и дата рождения. Всегда, у меня по крайней мере, дата рождения совпадает или записана днем раньше дня крещения. У меня сложилось мнение, что день рождения священниками записывался произвольно и никакого отношения к реальному дню рождения не имеет. Ну не бывает так, чтобы зимой в глухой деревне, где нет ни церкви, ни попа, новорожденного приносили в церковь для крещения на следующий день после рождения, а то и в день рождения⁴.

Запись о возрасте требовалась и в других документах учета населения, в частности в ревизских сказках и исповедных росписях, но отношение к точности этих данных оставалось прежним. Причем речь шла не о дате рождения и даже не о месяце, а о количестве лет. О. Александров приводит слова сотрудников Государственного архива Тульской области:

Важным вопросом является выяснение исторической достоверности регистрируемых сведений... До конца XIX в. вызывает сомнение точность указанного возраста, более всего в записях о смерти, в меньшей степени — в записях о браке... Данный вывод может быть распространен и на другие источники, содержащие сведения о возрасте, — ревизские сказки и исповедные росписи...⁵

К проблеме точности записей о возрасте мы еще вернемся, а сейчас обратимся к возрастным границам в народной традиции.

ВОЗРАСТНЫЕ ОБРЯДЫ

Структурирование жизненного пути в народной традиции происходило посредством обрядов, относящихся, по мнению И. С. Кона, к категории возрастного символизма, который он определял как «отражение возрастных процессов и свойств в культуре» (Кон 1981: 99). Первым обрядом, непосредственно связанным с возрастом и символизировавшим окончание периода младенчества, был так называемый постриг («застрижки»), который совершался через год после рождения, но иногда и в двух-трехлетнем возрасте. Руководствовались не календарным возрастом, а теми признаками, которые свидетельствуют о развитии ребенка (например, первые шаги, первый смех и под.). В течение первого года стричь волосы детям запрещалось. Считалось, что нарушение этого запрета может привести к тому, что ребенок лишится способности говорить. В русской традиции волосы устойчиво связаны с даром речи и — шире — с разумом и памятью — ср.: «Сон будешь помнить до тех пор, пока не пошевелишь волосы» и под. (Гаген-Торн 1926: 8). В день

³ Собственно, так и предписывалось в «Практическом руководстве при отправлении приходских треб», где говорится о том, что метрическая запись производится после обрядов восьмого дня, т. е. после крещения (Практическое руководство... 1888: 34).

⁴ Форум программы «Древо жизни». Крещение — день рождения. Частое совмещение // «Древо жизни» — приложение для построения родословных (генеалогических) древ. URL: <https://genery.com/ru/forum/viewtopic.php?t=4101&ysclid=m8q8b-07bor614613680> (дата обращения: 23.04.2025).

⁵ Александров О. О достоверности указания возраста в метрических книгах и ревизских сказках // Предки и потомки: [персональный сайт]. URL: <https://www.opalex.info/index.php/dokumenty/146-o-dostovernosti-ukazaniya-vozrasta-v-metricheskikh-knigax-i-revizskikh-skazkax> (дата обращения: 16.04.2025).

пострига мальчика сажали рядом с предметом, который символизировал мужскую сферу деятельности (топор, борона и др.). Крестные родители совершали первую стрижку: крестообразно стригли волосы. После этого мальчику надевали первую рубашку, а также пояс и крестик — необходимые атрибуты человека. В белорусских и украинских селениях этот обряд совершался позже — в пять-семь лет (Нидерле 1956: 184).

Обряд первого заплетания косы девочке совершался в пять, как у гуцулов (Шухевич 1902: 8), или даже в десять лет, как у белорусов, когда ей «непреренно прокальвают уши и вдевают серьги» (Шейн 1902: 10). Косу заплетали «вкрест», после чего девочку передевали во взрослую одежду, обязательными элементами которой были юбка и платок. Обрезанием волос мальчикам и заплетанием косы девочкам вводилось различие не только по возрасту, но и по половой принадлежности (до этого времени дети считались бесполоыми).

Следующий возрастной обряд совершался в связи с наступлением брачного возраста. По материалам, собранным Д. К. Зелениным, в центральных губерниях России (Тамбовской, Рязанской, Тульской, Орловской и др.) девушки до 15–16 лет ходили в одних рубахах с красным пояском (Зеленин 1911: 238). В этом возрасте (в день именин) совершался обряд «прыгания в понёву»⁶. Девушка ходила по лавке, и ее приглашали прыгнуть в понёву, которую перед ней держала открытой ее мать или кто-то из близких родственников. В ответ на приглашения она отвечала: «Хоцу вскоцу, хоцу не вскоцу». Так продолжалось несколько раз. Если девица запрыгивала в понёву, это означало, что она объявляет себя невестой и к ней можно свататься. Если прыжок был неудачным, обряд переносился на следующий год⁷.

Как видим, возрастные обряды касались начальных этапов жизненного пути, что естественно, поскольку именно для периода взросления характерны существенные биологические и социальные изменения, которые в традиционной культуре требовали ритуального оформления.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ВОЗРАСТНЫЕ ГРАНИЦЫ

Официальное регулирование возрастных этапов начиналось с установления границ брачного возраста. В Древней Руси церковь руководствовалась нормами византийского права, в соответствии с которыми юноша мог жениться в 15 лет, а девушка — выйти замуж в 13 лет. Эти нормы могли нарушаться, да и сами возрастные границы практически никак не контролировались. В 1830 г. Николай I издал указ, по которому «запрещается вступать в брак лицам мужского пола ранее 18, а женского — 16 лет от рождения. <...> Запрещается вступать в брак лицу, имеющему более 80 лет от роду» (Свод законов 1857: № 3807). Чтобы этот указ выполнялся, требовался механизм контроля за возрастом вступающих в брак — и такой механизм был. К этому времени уже практиковался так называемый «Брачный обыск», который был введен Сенатским указом в 1765 г.⁸

«Брачный обыск» представлял собой свод сведений о вступающих в брачные отношения. Они считались необходимыми для вынесения решения о возможности/невозможности заключения брака. Поскольку семейные и брачные отношения были в ведении церкви, такие сведения собирал священник. Формуляр «Брачного обыска», который несколько раз менялся (последнее изменение — в 1837 г.), неизменно включал пункт о возрасте вступающих в брак: «Возраст к супружеству имеют совершенный, а именно: жених *стольких-то* лет, а невеста *стольких-то* лет и оба находятся в здравом уме»⁹. К «Брачному обыску» прилагались копии документов, в том числе записи

⁶ Понёва — юбка, состоящая из трех полотнищ. Ее носили замужние женщины, обычно поверх обычной юбки.

⁷ Об этом обряде см. также: (Кабакова 1999: 37–38).

⁸ «Брачному обыску» предшествовала «Венечная память» — разрешение архиерея на вступление в брак, которое выдавалось священнику для проведения венчания. В «Венечной памяти» указывалось на отсутствие препятствий для вступления в брак (многоженство, близкое родство и т. д.). Возраст новобрачных и дата венчания не указывались.

⁹ История семьи (16): «Обыск брачный» и как он поможет в составлении родословной // Academia-nadezhda в Дзен. URL: <https://dzen.ru/a/ZlUlpG1BgnT51uJ9> (дата обращения: 25.04.2025).

о дне рождения и крещения из метрической книги. Обращает на себя внимание тот факт, что указывалось количество лет, но не время рождения и крещения. Тем не менее уже можно было говорить о некоем контроле над возрастом вступающих в брак.

Для закрепления в традиционном обиходе календарного возраста существенное значение имело введение Петром I рекрутской повинности в 1705 г. Для дворян она была личной, для податных сословий — общинной. Каждая община должна была выделить определенное число рекрутов (порядка 7–10 человек с каждой тысячи). Призывным считался возраст от 20 до 35 лет, а срок службы — пожизненным. В дальнейшем условия рекрутской повинности для разных сословий смягчались (в 1762 г. дворяне и вовсе были освобождены от нее). Срок службы последовательно сокращался (до 15 лет при Александре II). И все же петровская рекрутская повинность не оказала большого влияния на возрастную стратификацию, поскольку не имела четких границ призывного возраста да и количество рекрутируемых было относительно небольшим.

Иная ситуация сложилась после введения всеобщей воинской повинности Александром II. В 1874 г. был издан Манифест о введении всеобщей воинской повинности и утвержден Устав о воинской повинности. В соответствии с этими распоряжениями все мужское население, независимо от сословной принадлежности, по достижении 21 года подлежало призыву на воинскую службу, которая длилась 3–6 лет. Помимо прочего, это означало резкое повышение брачного возраста прежде всего для юношей, которые теперь женились, как правило, после службы, в 24 года или даже в 27 лет. Естественно, изменился не только брачный возраст. Можно сказать, что другим стал весь жизненный уклад семей, в которых были юноши призывного возраста.

Народная традиция реагировала на эти нововведения по-своему. После учреждения Петром I рекрутской повинности оформился новый обряд, который получил название «проводы рекрута» или просто «рекрутский обряд». Он уникален в том смысле, что нехарактерен для крестьянской культуры. По словам Ж. В. Корминой, которой принадлежит наиболее полное исследование этого обряда, он «представляет собой реакцию традиционной культуры на ситуацию, задаваемую извне» (Кормина 2005: 13).

Обряд начинался с того, что рекруту сбивали волосы, тем самым обозначая его новый статус, который подчеркивался тем, что его одевали в такую же одежду, как на свадьбу. После этого начиналось гуляние рекрутов, которое могло продолжаться два-три месяца. На протяжении гуляния все прежние правила поведения отменялись, и рекруты могли вести себя как им заблагорассудится, но при этом обязательно должны были посетить всех ближних и дальних родственников и попрощаться с ними. Собственно проводам были посвящены последние дни до отправки, когда рекрут получал церковное благословение и прощался с родственниками и всей деревней. Устраивался «печальный пир». Прощальная процессия копировала похоронную (рекрут не шел самостоятельно, его вели под руки ближайšie родственники). Можно сказать, что рекрутский обряд был «собран» из элементов других обрядов жизненного цикла, прежде всего свадебного и похоронного. После введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности этот обряд распространился на призывников, а отдельные его элементы сохраняются и в наши дни.

Официальное регулирование возрастных прав и обязанностей не ограничивалось установлением границ брачного возраста и воинской службы. В середине XVIII в. были введены границы совершеннолетия и наступления уголовной ответственности за те или иные противоправные действия. Совершеннолетие определялось в зависимости от принадлежности к тому или иному сословию и наступало в разном возрасте. Например, для мужчин 16 лет считалось возрастом совершеннолетия для поступления на службу, а 18 — совершеннолетия для брака. Выделялись также возрасты совершеннолетия для занятия определенных должностей и т. д. Однако в народной традиции эти установления практически не были замечены. Пожалуй, только возраст наступления полной уголовной ответственности (17 лет) стал известен еще и потому, что его введением государство определило верхнюю возрастную границу детства («малолетства») как особого периода жизни (Бабкова 2012).

Итак, в Российской империи официальное регулирование возрастных изменений было минимальным. Четкие возрастные ограничения, которые были восприняты в народной традиции, касались преимущественно двух моментов: брачного возраста и воинской службы. Стоит еще раз отметить, что до появления царского указа 1830 г. брачный возраст определялся церковью, которая следовала византийским канонам (13 лет для девушки и 15 — для юноши). Повышение брачного возраста (соответственно до 16 и 18 лет) не внесло принципиальных изменений в обрядовый сценарий жизни, хотя и было воспринято отрицательно по той причине, что девушек старались выдать замуж как можно раньше. Несколько другая ситуация сложилась после введения рекрутской повинности (а позже — всеобщей воинской повинности), поскольку это существенно изменило жизненный уклад общины, и неслучайно народная традиция сконструировала новый обряд перехода — рекрутский.

СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Советская власть сразу озаботилась вопросами учета населения¹⁰. Уже 18 декабря 1917 г. был принят декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» (Декрет о гражданском браке). Отныне регистрация всех актов гражданского состояния переходила от церкви к органам записи актов гражданского состояния (ЗАГС). К числу таких актов отнесены рождение, заключение брака и его расторжение, усыновление (удочерение), установление отцовства, перемена имени и смерть. Были установлены минимальный брачный возраст и перечень обстоятельств, не позволяющих заключение брака:

Заявления о желаніи вступить въ бракъ не принимаются: а) отъ лицъ мужского пола менее 18 леть, а женскаго — 16 леть отъ рожденія. Въ Закавказье туземные жители могутъ вступать въ бракъ по достиженіи женихомъ 16 леть, а невестою 13 леть; б) отъ родственниковъ по прямой линіи, полнородныхъ и неполнородныхъ братьевъ и сестеръ, — при чемъ наличность родства признается также между внебрачнымъ ребенкомъ и его потомствомъ съ одной стороны и его отцомъ и его родственниками — съ другой; отъ состоящихъ въ браке и г) отъ умалишенныхъ <...> Запись о рожденіи ребенка составляется темъ же отделомъ записей браковъ и рожденій по месту пребыванія матери, причемъ о каждомъ рожденіи въ книге записей рожденій совершается особая запись (Декрет ВЦИК... 1917).

Основным документом о возрасте до получения паспорта становилось свидетельство о рождении. Оно считалось необходимым во всех случаях, требующих точного определения возраста. Формуляр свидетельства несколько раз менялся. Единая форма была введена в 1935 г. В нем указывались следующие сведения: фамилия, имя, отчество родившегося; время рождения (число, месяц, год); фамилия, имя, отчество отца и матери; место рождения ребенка; место регистрации. Свидетельство еще долгое время называли по-прежнему *метрикой*. В ведении церкви оставались крещение, венчание и отпевание, которые новая власть не считала актами гражданского состояния. Все документы, относящиеся к регистрации рождения, брака и смерти, предписывалось передать от церкви в органы советской власти.

Ситуация с введением новых документов и передачей старых в органы ЗАГС осложнялась тем, что буквально через несколько месяцев, в 1918 г., была проведена календарная реформа. Декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря» был принят 26 января 1918 г. В результате реформы из актуального на то время календаря исчезли 13 суток. Переход на новый (григорианский) календарь на практике означал двойной счет: по старому и новому

¹⁰ Разумеется, учет населения велся и прежде, в Российской империи. Начиная с петровского времени проводились ревизии (подушные переписи) в основном податного населения. В 1897 г. была проведена Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Материалы этих переписей содержат много интересных сведений, но показательно, что и в них точная дата рождения не фиксировалась.

стилю. При этом церковь не перешла на новый календарь, и все датировки в церковных документах остались прежними. Тем не менее в советских официальных документах теперь фигурировал только день рождения по григорианскому календарю, которому старались придать смысл основной даты в определении возраста человека. Иногда эти старания были чрезмерными. В частности, после принятия в 1918 г. Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве при регистрации ребенка следовало указать не только день, но и час его рождения¹¹. Результаты подобного рода усилий ожидалось в будущем, а пока значительная часть взрослого населения не знала не только точной даты, но и года своего рождения.

Во время Гражданской войны и в ходе антирелигиозной кампании многие церковные архивы были утрачены. Положение дел с фиксацией возраста в системе учета населения было таково, что в 1928 г. власти приняли решение «О создании комиссий по определению возраста при восстановлении погибших записей о рождении» (О создании комиссий...). Они были вынуждены пойти на этот шаг по той причине, что далеко не все могли подтвердить свой возраст тем или иным документом. Между тем сведения о подтвержденном возрасте требовались не только при призыве в армию и вступлении в брак, но и в других ситуациях правового характера. В частности, важным представляется определение возраста в ходе борьбы с детской преступностью, поскольку уголовная ответственность за опасные преступления с 1958 г. наступала уже в 14 лет. Можно сказать, что официальная верхняя граница детского возраста существенно понизилась.

Указанным постановлением было предложено губернским исполнительным комитетам организовать в каждой волости комиссию для определения возраста по внешнему виду. В состав комиссии должны были входить представитель волостного исполкома, заведующий местным органом ЗАГС и врач.

Анатолий Стрелков приводит результаты работы такой комиссии в Долговской волости Курского уезда:

По итогам работы комиссии оформлялся протокол. В госархиве Курской области хранится его примерный образец: «Свидетельствуемый Николай Симонов роста 154 см, телосложения правильного, питания удовлетворительного, кожно-мышечная система развита правильно, покровы кожи и слизистых оболочек нормально окрашены. Со стороны внутренних органов как грудной, так и брюшной полости отклонений к норме не обнаружено (объем груди). Окружность грудной клетки при поднятых руках и при счете до двадцати равняется 80 см. Вес тела (голый) 54,5 килограмма. Растительности в подмышечных впадинах нет, нет ее также и в области подбородка и верхней губы... Во рту 28 зубов, из которых два кариозных (больные маляры внизу слева). Зубы мудрости отсутствуют. Сношенности резца нет. Набухлости десен на местах зубов мудрости нет. Выраженная лобная морщинистость. Начальная носогубная морщинистость (едва заметна). Других морщин нет. На основании данных осмотра свидетельствующему Николаю Федоровичу Симонову в настоящее время не менее 16 лет и не более 17»¹².

Уже из этого описания видно, что такие комиссии определяли не столько календарный, сколько биологический возраст, который пытались спроецировать на календарный. В лучшем случае речь могла идти о количестве прожитых лет. Предполагалось, что полученные результаты могут в случае необходимости скорректировать другие (в том числе устные сведения). К тому же граждане получали официальный документ, что было необходимо для подтверждения своего возраста.

¹¹ «В заявлении указываются: день, час и место рождения, пол ребенка, присваиваемое ему имя, имена, фамилии, постоянное местожительство и возраст родителей, а также означается, которым по счету ребенком, по числу имеющихся у данных родителей детей, является новорожденный» (Кодекс законов... 1918).

¹² Стрелков А. В первые годы советской власти возраст курян определяли по внешнему виду // Друг для друга Курск онлайн. 04.03.2021. URL: <https://dddkursk.ru/number/1376/new/015758/> (дата обращения: 18.04.2025).

Комиссии по определению возраста функционировали до позднего советского времени. В Положении о комиссии, вышедшем в 1978 г., была разработана своего рода методика определения не только года, но и месяца/дня рождения:

Если комиссии по определению возраста не представляется возможным установить день и месяц рождения, то за дату рождения принимается первое июля соответствующего года. В тех случаях, когда не представляется возможным определить день и месяц рождения, но по материалам, имеющимся в комиссии, установлено, что гражданин родился в первой половине года, за дату рождения принимается первое апреля соответствующего года, а если установлено, что гражданин родился во второй половине года, — первое октября соответствующего года. При невозможности установления только дня рождения датой рождения считается 15-е число соответствующего месяца (Постановление Совета министров... 1978).

Приведенный фрагмент положения показывает, что эти установления носили сугубо произвольный характер, но в итоге граждане приобретали полную, заверенную в документе формулу своего рождения. Проблема соответствия реальности в расчет не принималась.

Существенную роль в наведении порядка в системе учета населения должна была сыграть введенная в 1932 г. новая паспортная система, однако это получилось далеко не сразу¹³. Паспортизация на первых этапах была ориентирована на городское, а не сельское население. Всеобщая паспортизация была введена лишь в 1974 г., и только после этого документы смогли получить все сельские жители. Кроме того, в первых паспортах в графе «Время и место рождения» указывался только год рождения. Избавление граждан от необходимости внесения точной даты рождения было вызвано все той же причиной — отсутствием сведений о своем рождении. Внесение полной даты становится обязательным с 1940 г., но с оговоркой, что месяц и день рождения могут записываться со слов получателя паспорта. И лишь по Положению о паспортах 1974 г. возрасту была отведена отдельная графа «Число, месяц, год рождения» (Байбурин 2017: 212, 213). Как видим, и в паспортной системе точный возраст укоренялся с большим трудом. Потребовалось 40 лет для того, чтобы в паспортах советских граждан возраст фиксировался без всяких оговорок.

Между тем необходимость знать свой календарный возраст возникала все чаще. Это касалось не только взрослых, но и детей. Всеобщее обязательное образование было введено в 1921 г. В сельской местности — обязательное начальное образование, а в городах с 1930 г. — обязательное семилетнее обучение¹⁴. Теперь уже во всех семьях с детьми знали, что школьный возраст начинается с 8 лет. Переход на обучение с 7 лет начался в 1943 г. в Москве, а затем и в других городах и селах. Что касается взрослых, то для них важным было введение в 1932 г. единого возраста выхода на пенсию. Для мужчин пенсионный возраст наступал в 60 лет, а для женщин — в 55 лет.

Еще одна значимая ступень календарного возраста — получение паспорта в 16 лет. Это означало, что человек стал взрослым. И хотя совершеннолетие официально наступало в 18 лет, получение паспорта многими воспринималось как наступление совершеннолетия. Владелец паспорта мог устроиться на работу на полный рабочий день, с него снимались многие возрастные ограничения, например на пребывание в общественных местах после 22 часов, покупку алкоголя и табачных изделий и др. Неслучайно эта процедура постепенно приобрела характер праздничной церемонии. К этому были расположены как получатели паспортов, так и официальные органы. Первые случаи торжественного вручения паспорта относятся к началу 1960-х гг.. Любопытно, что

¹³ В досоветских паспортах, которые существовали с петровского времени, точный возраст, как правило, не указывался. Даже в паспортной книжке последних двух десятилетий следовало указать время рождения или возраст, но не дату рождения. Советская власть отменила эти паспорта, а свои ввела лишь в 1932 г.

¹⁴ Разумеется, начальное образование было и раньше: в XVII в. появились первые школы при монастырях, затем церковно-приходские школы, а с 1864 г. — земские школы, которые были и в сельской местности. Однако всеобщее обязательное начальное образование было введено лишь в советское время.

инициатива исходила от местных органов и это обстоятельство, конечно, поощрялось «сверху». Тогда же стали появляться первые методические разработки сценария нового праздника¹⁵, который имел разные названия: «Праздник совершеннолетия», «Праздник шестнадцатилетних» и даже «Посвящение в гражданство», хотя все посвящаемые были гражданами от рождения.

Статус праздника вручению паспортов старались придать и другими способами, в частности приурочиванием к знаменательной дате, каковой считался, например, День Конституции (5 декабря). Впрочем, торжественное вручение паспорта вскоре стало самостоятельным событием, для проведения которого могли быть выбраны и другие даты. В месте проведения (Дом/Дворец культуры, а летом парк) создавалась праздничная обстановка: развешивались портреты вождей, плакаты, звучала музыка. Приглашались ветераны, передовики производства, партийные и советские начальники, которые произносили поздравительные речи. Паспорта вручал один из них, а в завершение церемонии звучал Гимн Советского Союза (подробнее см.: Байбурин 2017: 355–365). Но даже в тех случаях, когда паспорт получали в обычном порядке (в отделении милиции), 16-летие превратилось в особую дату, означавшую начало взрослой жизни, а значит, самостоятельности и всего, что с ней связано.

Пожалуй, самой непростой оказалась история придания статуса праздника дню рождения. Как уже говорилось, день рождения в крестьянской традиции не справляли. И в советское время отмечались крестины (день ангела) и именины, несмотря на то что церковные праздники были запрещены. Однако крестины и именины относились к числу личных праздников, а контролировать их было довольно сложно. Для этого следовало придать им публичный характер и, разумеется, избавиться от религиозного содержания. С этой целью обратили внимание прежде всего на название. Казалось бы, словосочетание «день рождения» лишено религиозной окраски и вполне подходит для именованного нового обряда, но инициаторы действовали по своему шаблону, в соответствии с которым прежние обряды получали название «красных» (Красная Пасха, Красное Рождество и т. д.). Так, в 1920-е гг. возникли и красные крестины, которые также могли называться октябринами или звездами. Предлагалось проводить их на собраниях трудовых коллективов, на которых место крестных занимали «политические родители». Имя новорожденному выбирали присутствующие на собрании путем голосования (Иванов 1964: 69). Однако создаваемые таким образом «праздники» плохо приживались. К тому же энтузиазм по поводу их создания вскоре угас.

Вторая волна конструирования новых праздников началась в 1960-е гг. В то время в городах лишь немногие справляли день рождения, а в сельской местности продолжали принимать церковное крещение и отмечать именины. Усилия властей разного уровня, как и прежде, были направлены на борьбу с религиозными праздниками и создание новой, советской обрядности. День рождения нельзя было отнести к числу религиозных, и его как бы вообще не существовало. Показательно, что по результатам прошедшего в 1964 г. I Всесоюзного совещания по внедрению в быт новых гражданских обрядов день рождения не был даже упомянут среди праздников и обрядов, посвященных важным событиям в жизни человека (Кампарс, Закович 1967: 34). Основной акцент был сделан на придании торжественного характера регистрации рождения в органах ЗАГС, которая должна была заменить церковную регистрацию. Созданному в это время Совету по разработке и внедрению в быт новых гражданских обрядов было отведено три месяца на разработку порядка «официальной части при регистрации ребенка, выдаче паспорта, бракосочетании и при других важных событиях в жизни советских людей» (Постановление Совета министров... 1964). Органам ЗАГС предписывалось создать торжественную обстановку при регистрации этих событий, что выполнялось привычными способами: приглашением ветеранов, музыкой, плакатами, речами партийных начальников. Родителям вручался наказ новорожденным «быть достойными сынами и дочерьми Родины»¹⁶.

¹⁵ Одно из первых таких пособий было подготовлено Управлением культуры Пермского облисполкома (Климов 1961).

¹⁶ О советской зрелищной культуре и конструировании массовых праздников в 1960-е гг. см.: (Слесарь 2024).

Несмотря на усилия местных органов, торжественная регистрация рождения не стала праздником, да и не могла им стать, поскольку носила официальный характер. Тем не менее она сыграла свою роль в становлении дня рождения, празднование которого широко распространилось в 1970–1980-е гг. не только в городах, но и в сельской местности. Этому способствовала, конечно, смена поколений. Советская молодежь того времени уже не так относилась к церковным обрядам, как предшествующие поколения. Вместе с тем официальные советские праздники теряли свою привлекательность, а все большее значение приобретали неофициальные, семейные, к числу которых относился и день рождения. Все это привело к тому, что за сравнительно короткий срок его празднование получило широкое распространение, и, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, к началу 1990-х гг. вошло в число любимых праздников россиян (Советский простой человек 1993: 37). День рождения наконец-то стал не только единственной точкой отсчета календарного возраста, но и праздничным событием в жизни советского человека.

Подведем итоги. Календарное определение возраста не было свойственно народной традиции. Актуальными являлись символические границы между возрастными группами, переход из одной категории в другую совершался с помощью обрядов, относившихся главным образом к периоду взросления. Процесс введения календарного возраста в контекст традиционной культуры оказался весьма непростым. Он осуществлялся церковными и светскими органами. Особенно следует отметить роль церкви, служители которой вели учет населения, включавший метрические записи о времени рождения, брака и смерти. Контроль со стороны государственных органов осуществлялся главным образом по отношению к двум видам возраста — брачному и возрасту призыва на военную службу, которые имели календарное выражение. Народная традиция явно отреагировала только на введение всеобщей воинской повинности, поскольку она затрагивала жизненно важные аспекты функционирования общины.

Необходимость знания календарного возраста стала особенно ощутимой в советское время, когда потребовались точные сведения для оформления различного рода документов. Создание специальных комиссий по определению возраста свидетельствует о том, что не все знали свой точный возраст, а многие церковные архивы, где хранились эти сведения, были утрачены. В то же время характер спускаемых сверху установлений, относящихся к календарному возрасту граждан, существенно изменился и стал касаться не только рождения, брака и смерти, но и тех событий, которые приобрели значение основных в жизни советского человека: начало школьного обучения, получение паспорта и совершеннолетие, призыв на военную службу, наступление пенсионного возраста. Придание этим календарным вехам особого статуса для их введения в культурный обиход выражалось в создании своего рода календаря памятных дат, многие из которых власти старались оформить в виде праздничных событий. Семейные и личные праздники не входили в зону внимания официальных органов. В этом отношении показательна судьба дня рождения, который, будучи исходной точкой отсчета календарного возраста, позже других значимых событий приобрел статус не только особой даты, но и личного праздника. Несмотря на все сложности, календарный возраст стал у советских людей неотъемлемой частью представлений о траектории жизни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / пер. с фр. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (Studia historica).

Бабкова Г. О. «Безгласные граждане»: малолетние преступники в судебной системе России 1750–1760-х годов // Малолетние подданные большой империи. Филипп Арьес и история детства в России (XVIII — начало XX в.): сб. ст. / сост.: В. Г. Безрогов, О. Е. Кошелева, М. В. Тендрякова. М.: Издат. центр Рос. гос. гуманит. ун-та, 2012. С. 47–75. (Тр. семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики»; вып. 11).

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 239 с.

Байбурин А. К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб., 2017. 488 с.

Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 278 с.

Богданов К. А. Счет как текст в фольклоре // Русский фольклор: материалы и исследования / отв. ред. М. Н. Власова, В. И. Жекулина. СПб.: Наука, 2004. Т. 32. С. 162–171. (Русский фольклор).

Гаген-Торн Н. И. Свадьба в Салтыковской вол. Моршанского у. Тамбовской губ. // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л.: Тип. «Красной газеты», 1926. С. 171–195.

Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худ. лит., 1984. Т. 1. 383 с.; 1989. Т. 2. 447 с.

Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состоянія» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР: [сайт]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_108.htm (дата обращения: 18.03.2025).

Зеленин Д. К. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских // Живая старина 1911. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1912. Вып. 2. С. 233–246. (Периодическое издание Отделения этнографии Русского географического общества; год XX).

Зеленин Д. К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. VIII. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 84–87.

Иванов В. М. Жизнь рождает новые обряды. Минск: Беларусь, 1964. 185 с.

Кабакова Г. И. Девушка // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 2. С. 36–39.

Кампарс П. П., Закович Н. М. Советская гражданская обрядность. М.: Мысль, 1967. 256 с.

Климов Е. Торжественный акт вручения первого советского паспорта: методическое пособие в помощь культурно-просветительным работникам. Пермь: б. и., 1961. 36 с.

Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_363.htm (дата обращения: 14.03.2025).

Кон И. С. К проблеме возрастного символизма // Советская этнография. 1981. № 6. С. 98–106.

Кон И. С. Ребенок и общество: историко-этнографическая перспектива. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1988. 270 с.

Кормина Ж. В. Проводы в армию в пореформенной России. Опыт этнографического анализа. М.: Нов. лит. обозрение, 2005. 376 с.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Альма Матер; Гаудеамус, 2023. 400 с.

Любимова Г. В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX — начало XX в. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2004. 240 с.

Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 526 с.

Материнство в советской деревне: ритуалы, дискурсы, практики: в 2 т. / сост. Л. В. Голубева, Л. В. Куприянова; под общ. ред. С. Б. Адоньевой. СПб.: Пропповский центр, 2022. Т. 1: Исследования. 320 с.; Т. 2: Фрагменты интервью. 896 с.

Мид М. Культура и мир детства: избранные произведения / пер. с англ. и коммент. Ю. А. Асеева; сост. и отв. ред. И. С. Кон. М.: Наука, 1988. 429 с.

Нидерле Л. Славянские древности / пер. с чеш. Т. Ковалевой, М. Хазанова; под ред. А. Л. Монгайта. М.: Изд-во иностр. лит., 1956. 453 с.

Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 24 сентября 1928 г. «О создании комиссий по определению возраста при восстановлении погибших записей о рождении» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3472.htm (дата обращения: 04.02.2025).

Постановление Совета министров РСФСР от 18 февраля 1964 г. № 203 «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» // КонсультантПлюс: [справочно-правовая система]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1856#08490948448279287> (дата обращения: 16.04.2025).

Постановление Совета министров РСФСР от 28 июля 1978 г. № 368 «Об утверждении Положения о комиссиях по определению возраста при исполнительных комитетах районных, городских, районных в городах Советов народных депутатов» // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/765701654> (дата обращения: 11.03.2025).

Практическое руководство при отправлении приходских треб / сост. свящ. Н. Сильченков. Воронеж: Б. и., 1888. 176 с.

Свод законов Российской империи: в 15 т. СПб.: Тип. Второго отделения Собственной Его Имп. Величества канцелярии, 1857. Т. 10, ч. 1: Законы гражданские. 637 с.

Слесарь Е. А. Советский праздник: театрализация мифа. М.: Музей современного искусства «Гараж», 2024. 260 с.

Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х / А. А. Голов, А. И. Гражданкин, Л. Д. Гудков и др. Под общ. ред. Ю. А. Левады. М.: Мир, Океан, 1993. 300 с.

Толстая С. М. Измерение // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1999. Т. 2. С. 397–399.

Толстая С. М. Счет // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2012. Т. 5. С. 218–220.

Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: в 3 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1902. Т. 3. 535 с.

Шухевич В. Гуцульщина: у 5 ч. Львів: Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка, 1902. Ч. 3. 276 с. (Матеріали до українсько-руської етнології; т. 5). (На укр. яз.).

Эриксон Э. Г. Детство и общество / пер. с англ. и науч. ред. А. А. Алексеева. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Летний сад, 2000. 415 с.

REFERENCES

Aries Ph. *Rebenok i semeynaya zhizn' pri starom poryadke* [The child and family life under the old regime]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ., 1999, 416 p. (In Russian).

Assmann Ya. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: writing, memory of the past, and political identity in the high cultures of Antiquity] Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 368 p. (In Russian).

Babkova G. O. ["Silent citizens": juvenile delinquents in the Russian judicial system in the 1750s–1760s]. *Maloletniye poddannyye bol'shoy imperii. Filipp Ar'yes i istoriya detstva v Rossii (XVIII — nachalo XX v.)* [Minor subjects of a great empire. Philippe Aries and the history of childhood in Russia (18th — early 20th centuries)]. Moscow: Izdatel'stel'skiy tsentr Rossiyskogo gumanitarnogo universiteta Publ., 2012, pp. 47–75. (Proceedings of the seminar "Childhood culture: norms, values, practices"; iss. 11). (In Russian).

Baiburin A. K. *Ritual v traditsionnoy ky'lture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rituals]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993, 239 p. (In Russian).

Baiburin A. K. *Sovetskiy pasport: istoriya — struktura — praktiki* [Soviet passport: history — structure — practices]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo univrsiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2017, 488 p. (In Russian).

Bernshtam T. A. *Molodezh v obryadovoy zhizni russkoj obschiny XIX — nachala XX v. Polovozrastnoj aspekt traditsionnoj kul'tury* [Youth in the ritual life of the Russian community of the 19th — early 20th centuries. Gender and age aspect of traditional culture]. Leningrad: Nauka Publ., 1988, 278 p. (In Russian).

Bogdanov K. A. [Counting as a text in folklore]. *Russkiy fol'klor: materialy i issledovaniya* [Russian folklore: materials and research]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2004, vol. 32, pp. 162–171. (In Russian).

Dal' V. I. *Poslovitsy russkogo naroda: v 2 tomakh* [Proverbs of the Russian people: in 2 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984, vol. 1, 383 p.; 1989, vol. 2, 447 p. (In Russian).

Erikson E. G. *Detstvo i obschestvo* [Childhood and society]. St. Petersburg: Letniy sad Publ., 2000, 415 p. (In Russian).

Gagen-Torn N. I. [Wedding in Saltykovskaya volost, Morshansky district, Tambov province]. *Materialy po svad'be i semejno-rodovomu stroju narodov SSSR* [Materials on the family and clan system of the peoples of the USSR]. Leningrad: Tipografiya "Krasnoy gazety" Publ., 1926, pp. 171–195. (In Russian).

Ivanov V. M. *Zhizn' rozhdaet novyye obryady* [Life gives birth to new rituals]. Minsk: Belarus' Publ., 1964, 185 p. (In Russian).

Kabakova G. I. [Girl]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnyye Otnosheniya Publ., 1999, vol. 2, pp. 36–39. (In Russian).

Kampars P. P., Zakovich N. M. *Sovetskaya grazhdanskaya obryadnost'* [Soviet civil rituals]. Moscow: Mysl' Publ., 1967, 256 p. (In Russian).

Kon I. S. [Age categories in human and social sciences] *Vozrastnye kategorii v naukakh o cheloveke i obshchestve. Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 1978, no. 3, pp. 76-867. (In Russian).

Kon I. S. [On the problem of age symbolism]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography], 1981, no. 6, pp. 98-106. (In Russian).

Kon I. S. *Rebenok i obschestvo: istoriko-etnograficheskaya perspektiva* [The child and society: a historical and ethnographic perspective]. Moscow: Nauka Publ., glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury Publ., 1988. 270 p. (In Russian).

Kormina Zh. V. *Provody v armiyu v poreformennoy Rossii. Opyt etnograficheskogo analiza* [Farewell to the army in post-reform Russia. An attempt at ethnographic analysis]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005, 376 p. (In Russian).

Le Goff J. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [Civilization of the Medieval West]. Moscow: Al'ma Mater Publ., Gaudeamus Publ., 2023, 400 p. (In Russian).

Liubimova G. V. *Vozrastnoy simbolizm v culture kalendarnogo prazdnika russkogo naseleniya Sibiri XIX — nachalo XX v.* [Age symbolism in the culture of the calendar holiday of the Russian population of Siberia in the 19th — early 20th centuries]. Novosibirsk: Institut arkhologii i etnografii SO RAN Publ., 2024, 240 p. (In Russian).

Materinstvo v sovetskoy derevne: ritualy, diskursy, praktiki: v 2 tomakh [Motherhood in the Soviet village: rituals, discourses, practices: in 2 volumes]. St. Petersburg: Proppovskiy tsentr Publ., 2022, vol. 1: Issledovaniya [Research], 320 p.; vol. 2: Fragmenty interv'yuu [Interview excerpts], 896 p. (In Russian).

Mead M. *Kul'tura i mir detstva: izbrannye proizvedeniya* [Culture and the World of childhood: selected works]. Moscow: Nauka Publ., 1988, 429 p. (In Russian).

Niderle L. *Slavyanskije drevnosti* [Slavic Antiquities]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1956, 453 p. (In Russian).

Slesar' E. A. *Sovetskiy prazdnik: teatralizatsiya mifa* [Soviet holiday: theatricalization of a myth]. Moscow: Garazh Publ., 2024, 260 p. (In Russian).

Sovetskiy prostoy chelovek: Opyt socialnogo portreta na rubezhe 90-kh [The Soviet common man: An experiment in social portraiture at the turn of the 1990s]. Moscow: Mir Publ., Okean Publ., 1993, 300 p. (In Russian).

Tolstaya S. M. [Measurement]. *Slavyanskiye drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnyye Otnosheniya Publ., 1999, vol. 2, pp. 397-399. (In Russian).

Tolstaya S. M. [Account]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh* [Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary: in 5 volumes]. Moscow: Mezhdunarodnyye Otnosheniya Publ., 2012, vol. 5, pp. 218-220. (In Russian).

Zelenin D. K. *Tabu slov u narodov vostochnoy Evropy i severnoy Azii* [Taboo words among the peoples of Eastern Europe and Northern Asia]. Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1929, pp. 84-87. (Collection of MAE; vol. 8). (In Russian).

Submitted: 14.05.2025

Accepted: 01.09.2025

Published: 10.04.2026